

Она ощупью поднялась с кровати и, все так же на ощупь, спустилась на пол. Потянулась было сорвать повязку с глаз, но тут же поняла, что любое движение отзывается острой болью в затылке. Беззвучно поморщившись, она оставила эту затею и, продолжая оставаться слепой, побрела вперед.

Босиком она сделала несколько шагов по ковру.

Неизвестно, оказалась ли она рядом с другой комнатой, но, прислушавшись, она уловила голоса, доносившиеся из-за двери.

— Она ничего не знает о ножнах, но их дыхание на ней действительно есть.

— Цинсюань, ты уверен, что в этом мире, кроме нас двоих, никто не знает о моем прибытии?

— Тот стальной прут был переломан когтями, а еще тот человек из мира людей, что был утром... Я заглянул в полицейский участок, от него действительно разит лисьим смрадом, оставшимся после техники Очарования Клана Лисиц...

— Стальной прут...

— Цинсюань, немедленно отправляйся на разведку. Появлялись ли в последние дни в этом мире лисы?

Это был голос Сюань Цзи. Хотя она не понимала, о чем именно он говорит, стоило ей услышать его голос, как на душе стало удивительно спокойно. Хуа Мянью, нащупывая путь, подошла ближе к источнику звука, намереваясь окликнуть мужчину, но тут услышала, как он добавил:

— Вероятность того, что ножны обрели человеческий облик? Неслыханное дело. Однако все живое в мире обладает душой. Если бы ножны Угуй стали человеком, на теле должны были остаться их узоры... Я их не увидел.

— Сюань Цзи?

Хуа Мянью протянула руку, хватая воздух, но ничего не поймала. В этот момент ее рука наткнулась на что-то, похожее на стеклянную дверь. Девушка, стоявшая босиком на ковре, покачнулась и чуть не упала. В ту же секунду раздался легкий шорох, словно отворилась балконная дверь, и ее шарящие в пустоте пальцы утонули в теплой, крепкой ладони.

— Почему ты встала? — Низкий голос мужчины раздался прямо над ухом. Вероятно, он склонился к ней.

Хуа Мянью слегка повернула голову, но вместо ответа спросила:

— Где это мы?

Она опиралась на его руку. В телевизоре часто говорили о том, что у мастеров боевых искусств мощное телосложение, но она воспринимала это как пустой звук, не имея четкого представления. Теперь же она поняла: его тело было напряженным, словно камень.

Хуа Мянью чуть вскинула подбородок, ожидая ответа. Под повязкой ее маленький носик казался еще более изящным и вздернутым.

Сюань Цзи на мгновение замолчал. В памяти всплыла картина: она, обессиленная, сидит на краю крыши и плачет. Он нахмурился.

Затем он вспомнил, как она, зажатая в искореженной машине, испуганно смотрела на него, и его брови сошлись так, что, казалось, между ними можно было раздавить муху.

Почувствовав, что его собственные эмоции начинают колебаться, мужчина, убедившись, что она стоит твердо, невозмутимо отнял руку и сухо произнес:

— Гостиница. Номер.

Хуа Мянью промолчала.

Значит, в отеле. Впрочем, чего еще ожидать — он бы и не догадался отвезти ее в больницу.

Хуа Мянью коснулась повязки и криво усмехнулась:

— Это ты перевязал? Так плотно, что я ничего не вижу.

— Тот валун, хоть я и попытался его остановить, все же обрушился с огромной силой. Ты получила травму головы. Если не применить Мазь Беспредельного Цветка для снятия отека и улучшения кровообращения, можно и вовсе ослепнуть, — голос Сюань Цзи звучал равнодушно, но он тут же перехватил ее руку, шарившую по затылку. — Не трогай. Развяжешь бинты — больше помогать не стану.

Хуа Мянью, пойманная с поличным, как нашкодивший ребенок, покраснела, хотя и не видела строгого лица Сюань Цзи.

— Который сейчас час?

— Сразу после полудня. Ты недолго была без сознания.

— Ох. — Она тихо выдохнула с облегчением.

— Сюань Цзи, — Хуа Мяннь слегка улыбнулась, — спасибо тебе. Дважды за день спас... Не знаю, какая черная полоса на меня нашла. Если бы не ты, я бы уже отправилась на тот свет к Яньван.

Сюань Цзи промолчал.

— Молодой господин, в этом мире нет ничего тайного, что не стало бы явным.

— Исчезновение ножен меча Угуй, боюсь, клан Си, искусный в гаданиях, уже знает. А мы не ведаем, заключили ли лисы тайный союз с кланом Си...

— Лисы знают, что вы отправились в этот мир. Они не станут сидеть сложа руки.

— Без ножен вы, естественно, теряете право претендовать на престол. Лисы коварны и не остановятся ни перед чем ради власти. Полагаю, они только рады, что след ножен оборвался, и вряд ли станут заботиться о жизни какой-то смертной из этого мира...

Хуа Мяннь не видела, что лицо мужчины сейчас было холодным, как лед. Она чувствовала лишь, как его большая ладонь, сжимающая ее запястье, слегка усилила хватку.

Сюань Цзи и сам не знал, кем он является для этой девушки — спасителем или вестником беды.

— Хуа Мяннь.

— М?

Хуа Мяннь подняла голову, и уголки ее губ дрогнули в улыбке: это был первый раз, когда он не назвал ее просто девушкой.

— Есть ли у тебя с рождения какие-то странные родимые пятна или отметины?

— ...

В комнате воцарилась странная тишина.

Сюань Цзи опустил взгляд на девушку, стоявшую перед ним босиком. Половина ее лица была скрыта повязкой, и он не мог разглядеть эмоций, лишь видел, как ее улыбка, немного помедлив, стала чуть четче.

— Нет, — легко ответила она, и в ее голосе слышалась улыбка. — А что такое?

Неизвестно почему, но Сюань Цзи с облегчением выдохнул.

— Ничего. Ты — важная зацепка в поисках ножен, поэтому я буду тебя защищать. Подобное сегодняшнему больше не повторится.

Мужчина наконец разжал пальцы, отпуская ее тонкое запястье, и его тон снова стал холодным и отстраненным:

— Возвращайся в постель. Тебе нужно отдыхать.

Под присмотром Сюань Цзи Хуа Мянью послушно легла. Подумав, она снова села — резкое движение отозвалось болью в затылке, она поморщилась и замахала руками в воздухе:

— Сюань Цзи?

— В чем дело?

Холодный голос мужчины раздался совсем рядом, заставив ее вздрогнуть. Она поспешно спрятала руки под одеяло:

— А... а где мой телефон? Такая авария, машина в хлам, кто-то наверняка уже заметил. И я ведь разговаривала по телефону в тот момент, на том конце наверняка слышали шум... Сейчас я ни жива ни мертва...

Завтра она снова попадет в криминальные сводки города Н.

...Только не это!

Хуа Мянью сбивчиво пыталась объяснить ситуацию, но мужчина не понял ни слова. После короткой паузы он задал вопрос, от которого у нее перехватило дыхание:

— Что такое «шоуцзи»? Ты что-то уронила?

Хуа Мянью замолчала. Что такое телефон? Телефон — это телефон. Никто и никогда не задавал ей столь странных вопросов. Она напряглась, подбирая слова:

— Ну... это та маленькая металлическая штучка, которую я постоянно верчу в руках.

— О, — отозвался Сюань Цзи. — Не знаю. Вероятно, осталась в машине.

Хуа Мянью снова замолчала, чувствуя полное бессилие.

Представив, какой хаос творится снаружи, она попросила Сюань Цзи снять повязку, чтобы она могла позвонить. После короткого спора он понял, что, несмотря на ее невнятную речь, упрямства ей не занимать, и неохотно уступил.

Сначала зрение было затуманено, но вскоре она привыкла к свету и разглядела перед собой «лицо-гроб» и свою сумку, лежавшую на диване. Вероятно, когда она теряла сознание, то намертво вцепилась в нее, и Сюань Цзи принес ее вместе с ней.

Хуа Мянью достала сумку, открыла ее и протянула Сюань Цзи бумажный пакет с оставшимися несколькими тысячами юаней. Она искренне считала, что в этом нет ничего предосудительного.

Однако взгляд, которым одарил ее Сюань Цзи, ясно давал понять, что он считает ее сумасшедшей.

— ...Нет, — поспешно добавила она, осознав, что если скажет «да», этот мужчина наверняка свернет ей шею. — Есть еще дело.

Она достала маленький блокнот, исписанный телефонными номерами. В наше время, когда технологии так развиты, такими старыми записными книжками пользовались разве что пятидесятилетние... Но у Хуа Мянью была именно такая, с номерами коллег, мастеров по реквизиту и поставщиков.

Она нашла номер Су Яня и позвонила. На том конце ответили почти сразу, и Хуа Мянью, облегченно выдохнув, едва успела произнести «Алло», как раздался крик:

— Хуа Мянью?! Это ты?! Где тебя черти носят?! Весь мир ищет тебя, ты хоть знаешь?! Полиция спрашивала про Ван-гэ, а твой телефон был занят, мы думали, ты в бегах...

— А, — Хуа Мянью выпрямилась, — нет, я просто...

— Знаю, что нет! Сначала Бай И сказал, что с тобой что-то случилось, мы не верили, пока не увидели твою машину, превращенную в лепешку! Му-лаода чуть с ума не сошел! Он до сих пор снаружи ругается с журналистами...

Му-лаода, о котором говорил Су Янь, был их главным художником — сорокалетний мужчина с густой бородой, татуировками на руках и в хвостике, типичный холостяк-художник. Он относился к Хуа Мянью как к дочери и был для нее ближе, чем университетские преподаватели.

— Я в порядке, просто в момент аварии испугалась и потеряла сознание, — Хуа Мянью сжала телефон. — К счастью, местные жители нашли меня и вытащили из машины...

Сюань Цзи бросил на нее взгляд: «Местные жители»?

Хуа Мянью беззвучно поклонилась, извиняясь: обстоятельства заставили.

— Сейчас я в гостинице, — продолжала она. — Голова немного болит, мне дали какое-то местное лекарство. Скоро поеду в больницу на обследование. Скажи старому Му, что я жива, и передай полиции, что после больницы я приду на допрос!

Говоря это, она достала из сумки ключ-карту от номера. Су Янь на том конце что-то спросил, и она на мгновение замолчала:

— ...Я поблагодарила их.

Она бросила взгляд на мужчину неподалеку, и его мощная аура, совершенно не вяжущаяся с образом «местного жителя», заставила ее сжаться.

— Дядя-селянин сказал, что не стоит благодарности, — добавила она в трубку.

Сюань Цзи холодно усмехнулся.

Хуа Мянью закашлялась, и от боли в затылке на глазах выступили слезы.

Убедив Су Яня, что она в порядке, и наказав забрать из машины телефон и одежду для «двоюродного брата», она повесила трубку и поспешила в свой номер.

Открыв дверь, она на мгновение обернулась к мужчине:

— Спасибо за заботу. Я снова у тебя в долгу, ты мой настоящий спаситель... Ну, я... я скоро вернусь?

Сюань Цзи не ответил, повернувшись к ней спиной.

...Обиделся, что я назвала его селянином? Типичный мажор, мелочный тип.

Неизвестно откуда взявшаяся смелость заставила ее показать ему язык за спиной, после чего она выскользнула за дверь.

Вскоре пришел Су Янь с кучей пакетов. Хуа Мянью выхватила телефон, сдула с него пыль и облегченно вздохнула — цел. Сообщений и пропущенных было не счесть, а заряд батареи упал до 15%.

Ее телефон никогда еще не был таким популярным. Раньше ей писал только оператор с прогнозом погоды.

— Кажется, все очень обо мне беспокоятся? — спросила она.

Су Янь упер руки в бока:

— Еще бы! Теперь понимаешь, как всех бесило, что ты вечно пряталась, как сирота?

— П-прости.

— Да хватит извиняться!

Поставив телефон на зарядку, Хуа Мянью переоделась, и Су Янь потащил ее в больницу. Результаты оказались неплохими — легкое сотрясение мозга и огромная шишка. Врач, осматривая голову и припнувшись к остаткам мази, спросил, что это за средство, но Хуа Мянью лишь растерянно хлопала глазами — она не знала.

После больницы — полиция. Она повторила все то же, что говорила Бай И. Когда речь зашла о самой аварии, она вспомнила слова Сюань Цзи про «когти» и «лисов», но промолчала — не хотела прослыть сумасшедшей.

Полицейские, глядя на ее перебинтованную голову, лишь покачали головами:

— У вас на площадке в последнее время сплошные неприятности. Может, вы церемонию открытия провели неправильно?

У каждой съемочной группы была церемония открытия — с выбором часа, жертвоприношением курицы и благовониями. Режиссер «Божественной книги Лохэ» был суеверен, поэтому все сделали по правилам.

Хуа Мянью не понимала, что происходит. И единственной переменной за последнее время был этот мужчина по имени Сюань Цзи.

Выйдя из участка, она заглянула в телефон. Оказалось, режиссер был прав — фильм стал невероятно популярным еще до выхода. Сначала инцидент с персоналом, потом авария Хуа Мянью, затем автор первоисточника, известный сценарист Чжоу Чуань, который поспешил в храм ставить дополнительные благовония за успех группы...

Популярность «Божественной книги Лохэ» взлетела до небес.

...

Хуа Мянью шла медленно, и к отелю добралась только к закату.

Она поднялась в номер, взяла одежду для Сюань Цзи и пять минут простояла перед его дверью, прежде чем постучать. Дверь открылась мгновенно, напугав ее, а первая же фраза Сюань Цзи заставила ее едва не пуститься наутек:

— Чего ты пять минут кралась за дверью?

— ...

Хуа Мянью подняла пакет над головой:

— О-одежда.

Сюань Цзи, возвышаясь над ней, окинул взглядом покрасневшую девушку, взял вещи и посторонился:

— Врач что сказал?

— Мгм, — кивнула она. — Сказал, все хорошо.

— А что еще?

— Больше отдыхать, не нервничать... Ты чего смеешься?

— Ничего, — губы мужчины выпрямились. — Отдыхай и не нервничай.

— ...

Ей показалось, что он над ней издевается, но, подумав, она решила, что он не может быть таким плохим — ведь она купила ему одежду, пострадала ради него...

Задумавшись, она смотрела, как он уходит в ванную с пакетом. Она сделала два шага следом, собираясь спросить: «Ты умеешь это носить?», но дверь ванной с грохотом захлопнулась.

— ...А.

Она моргнула, глядя на дверь. Изнутри донеслось шуршание пакета, шаги.

А потом — дверь распахнулась. Сюань Цзи стоял на пороге, наполовину раздевшись: одежда была спущена до пояса, обнажая крепкую грудь, плоский живот и длинный шрам, идущий от плеча к груди...

Хуа Мянью снова моргнула, глядя на шрам.

Голый... голый... грудные мышцы!

<http://bllate.org/book/21766/2250924>